

Научная статья

УДК 101.1:304.2+316.77

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-71-80

Трансформация «нарратива» в социально-гуманитарном познании

Эвелина Владимировна Барбашина

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия

linaba@mail.ru

Аннотация

В статье содержится анализ поэтапного развития нарратива и изменения его основных признаков. Изначально нарратив рассматривался как аутентичное воспроизведение опыта прошлого, который значим для рассказчика. В дальнейшем начинается определение и изучение таких признаков нарратива, как последовательность, сюжет, ценностное отношение рассказчика, время. Современные исследования сосредоточены темпоральности, причинности, контексте формирования нарратива, определенности (неопределенности) сценариев нарратива, нарративном контроле. Произошел отказ от рассмотрения нарратива как готового продукта в пользу понимания его как процесса смыслопорождения из настоящего рассказчика. Формирование нарратива укоренено в социальном или лично-значимом контексте.

Ключевые слова

признаки нарратива, развитие нарратива, «нарративный поворот», В. Пропп, В. Лабов, Дж. Валецкий

Для цитирования

Барбашина Э. В. Трансформация «нарратива» в социально-гуманитарном познании // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 71–80. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-71-80

Transformation of «Narrative» in Socio-Humanitarian Cognition

Evelina Barbashina

Novosibirsk State Medical University,
Novosibirsk, Russia

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

linaba@mail.ru

© Барбашина Э. В., 2023

Abstract

The article analyses the gradual development of the narrative and the change in its main features. Initially, the narrative was considered as an authentic reproduction of past experience that is meaningful for the narrator. Later, the definition and study of such attributes of the narrative as sequence, plot, the narrator's value attitude, and time began. Contemporary research focuses on temporality, causality, the context of narrative formation, certainty (uncertainty) of narrative scenarios, and narrative control. There has been a shift away from viewing the narrative as a finished product towards understanding it as a process of meaning-making from the narrator's present. Narrative formation is rooted in social or personally meaningful context.

Keywords

signs of the narrative, development of the narrative, "narrative turn", V. Propp, V. Labov, J. Waletzky

For citation

Barbashina E.V. Transformation of «Narrative» in Socio-Humanitarian Cognition. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 71–80. (In Russ.) DOI

Одно из значимых изменений в области социально-гуманитарного познания связано с распространением нарратива и нарративного подхода. Начиная с 80-х годов прошлого века территория нарративных исследований постоянно расширяется, захватывая новые, порой достаточно неожиданные области. Результаты «нарративного поворота» представлены не только в многочисленных теоретических исследованиях по данной теме, они активно применяются в практико-ориентированной деятельности, присутствуют как фоновое знание современного человека.

Нарратив в широком смысле, понимаемый как письменный или устный рассказ от первого лица, представлен в культуре человечества, начиная с первых рассказов пациентов и исторических свидетельств. Нарратив в более строгом смысле начинает активно применяться с конца XIX века в рамках антропологии как автобиографический метод и в психологии как разные виды тематических и автобиографических интервью.

В развитии нарратива традиционно выделяют «нарративный поворот», начавшийся в 1980-е годы. Если проанализировать функции, которые он выполняет, то получится список, который включает практически все социально и личностно значимые варианты. Нарратив формирует групповую (этническую, религиозную, семейную, профессиональную) и личностную идентичность (В. А. Ачкасов, К. С. Кутковая, P. Alasuutari, J. Bruner, D. P. McAdams). Нарратив показывает различные аспекты и формы культуры (G. M. Kenyon, W. L. Randall). Он раскрывает ценностные ориентации группы и внутренний мир личности (С. В. Ковыршина, Е. Е. Чурилова, G. M. Kenyon, W. L. Randall). Нарратив выступает определяющим условием социальной и личностной коммуникации (К. J. Gergen, M. M. Gergen) в целом и оптимизирует частные варианты коммуникации, например, взаимоотношения медицинского работника и пациента (В. Лехциер, R. Charon, J. Shapiro, С. К. Riessman). В последние десятилетия появились работы о «театральном нарративе», «нарративе в живописи» и даже о нарративе в криминологии. Так, R. J. Sampson и J. H. Laub изучали нарративы людей, преступивших черту закона для того, чтобы выявить личностно значимые закономерности их повторных

преступлений и предпринять шаги для минимизации рецидива (R. L. Sampson, J. H. Laub).

Наряду с теоретическим осмыслением нарратива увеличивается его практическое применение в социальной работе, психотерапии, медиации конфликтов, журналистике, медицине. Более того, в некоторых областях теоретическое осмысление нарратива идет вслед за его практическим применением.

В последней трети XX века широкое распространение получили нарративы в области медицины, что было обусловлено стремлением уйти от биомедицинской модели здоровья и от патерналистских взаимоотношений врач – пациент [Барбашина, 2020, с. 156–157]. Их теоретическое осмысление и первые варианты концептуализации появились позже в работах Р. Шэрон, А. Франка. А активная институализация медицинского нарратива начинается с середины 80-х годов в рамках международного движения «медицина и литература», одним из основателей которого является Р. Шэрон [Лехциер, 2012, с. 112].

Благодаря развитию нарратива смогли зазвучать «молчаливые голоса» пациентов, представителей этнических и религиозных меньшинств, людей с ограниченными возможностями, голоса тех, кто долго находился в зоне тишины под давлением «больших нарративов».

Теоретические исследования и практическое применение нарратива в различных профессиональных областях сопровождаются его распространением в околонаучном дискурсе. Популярным стал тезис о том, что каждый человек, профессиональный коллектив, этническая или религиозная общность должны выстроить свой нарратив. Не иметь нарратив уже стало неприличным. И, как справедливо замечает M. L. Ryan, нарративы расы, гендера, класса стали своеобразной мантрой современности и современных исследований [Ryan, 2007, p. 22].

Несмотря на активное применение нарратива и развитие нарративных исследований, остаются нерешенными вопросы о том, каким признакам должен соответствовать нарратив, какие виды повествования не относятся к нарративу, какова его познавательная роль в разных областях социально-гуманитарного познания, и многие другие. Ответ на эти вопросы можно получить, если рассмотреть развитие нарратива в XX веке по этапам и выделить те новые характеристики и области применения нарратива, которые появились после 80-х годов XX века. Они, с одной стороны, отличают понимание нарратива от предшествующих вариантов, а с другой специфицируют его собственное содержание.

Итак, в XX веке нарратив проходит три основных периода. Первый начинается с выхода в свет известной работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Нарратив понимается как отражение опыта прошлого, как аутентичное воспроизведение того, что было. Следующим шагом становится рассмотрение нарратива через соответствие определенным критериям, причем содержание и количество этих критериев – предмет дискуссий и критики, не прекращающихся до настоящего времени. И, наконец, третий этап, начавшийся в 80-х годов прошлого века, продолжается до настоящего времени.

Первый период в развитии нарратива. Начало нарративных исследований традиционно возводят к пятитомной работе У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920 гг.), точнее к одному из томов, со-

держание которого представлено автобиографическими материалами польского иммигранта В. Висневского. Следует отметить, что авторы рассматривали их как объективное и достаточное отражение существующего положения дел. А основной задачей «социологических исследований социальной жизни» считали анализ «взаимодействия, интерпретации, саморефлексии».

Работа У. Томаса и Ф. Знанецкого была направлена против биологического и психологического редукционизма, против абсолютизации «объективных условий и факторов, определяющих жизнь каждого человека». Исследование, проведенное Томасом и Знанецким, вдохновило представителей Чикагской школы социологии на исследование биографических документов в течение 1920–1930-х гг. Однако, несмотря на фундаментальность, новизну и некоторую скандальность, связанную с взаимоотношениями авторов, она тем не менее не оказала принципиального влияния на развитие нарратива. Исследование стало начальной точкой гораздо более позднего взлета нарратива и нарративных исследований.

Второй период в развитии нарратива. Следующий важный шаг к современному распространению нарратива был сделан В. Проппом, а точнее его работой «Морфология (волшебной) сказки»¹. Если бы исследовательские работы имели собственный голос и опыт переживания значимых событий, то история создания, публикация, перевод, возрождение интереса к «Морфологии сказки» – все это само по себе составило бы сюжет нарратива.

На основе анализа 100 русских сказок В. Пропп выделяет «повторные, постоянные величины сказки – функции (действия), которые обладают поразительной повторяемостью [Пропп, 1928, с. 29]. Способ реализации той или иной функции может меняться, при этом сама функция остается постоянной. Например «баба-яга и Морозко, и медведь, и леший и кобылячья голова испытывают падчерицу и награждают по-разному», но, по сути, они делают одно и то же действие. Функции фигурируют как самостоятельные смысловые единицы и не соотносятся с персонажем-исполнителем.

Привлекательность данного подхода заключалась в «сжатии» бесконечно разнообразного материала (способы исполнения функций, действующих лиц, их характеристик, способы связывания функций, языковой стиль и др.) до ограниченного количества функций и их последовательностей. Работы В. Проппа задали вектор дальнейших исследований в области нарратива, причем в двух вариантах. Первый – оптимизация, во всяком случае с точки зрения авторов, структурных элементов, разработанных В. Проппом (R. Franzosi, T. A. Van Dijk). Второй – развитие общей идеи о выделении базовых, константных элементов.

---

¹ «Морфология сказки» опубликована в 1928 г., изначально В. Пропп предполагал дать другое название: «Морфология волшебной сказки» или «Морфология русской волшебной сказки». Эти варианты в большей степени соотносятся с содержанием анализируемых сказок из сборника «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подготовка текста, предисл. и прим. В. Я. Проппа. М.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1957–58).

Предположение автора, что его исследование относится не только к волшебным русским сказкам, а охватывает более широкий круг текстов, оказалось правильным. Начиная с 1930-х годов рецензии на «Морфологию сказки» появляются на разных языках, первый перевод осуществляется в 1958 г., впоследствии работа многократно переиздается.

Наиболее значимой работой после выхода и перевода «Волшебной сказки» В. Проппа стала работа В. Лабова и Дж. Валецкого². Авторы предлагали рассматривать нарратив как повторение опыта прошлого, выраженного «путем словесной последовательности» [Labov, Waletzky, 1997, p. 12]. В дополнении к этому были разработаны критерии нарратива, которые, во-первых, определяли, что является нарративом, а что нет. Во-вторых, они задавали алгоритм анализа нарратива.

Критерии были сформулированы на основе подробного анализа 14 примеров из 600 полученных у «представителей белых и черных сообществ, которые проживали в городской или сельской местности». Возраст опрашиваемых колебался от 10 до 72 лет. Авторы отмечали, что никто из респондентов не заканчивал старшее звено школы, то есть не осваивал навыки литературного или академического письма [Labov, Waletzky, 1997, p. 5].

Итак, элементами нарратива являются:

- аннотация, то есть краткое предварительное изложение того, о чем будет рассказано;
- направленность, то есть конкретизация обстоятельств, времени происшедшего, характеристика действующих лиц, общее описание ситуации;
- кульминация, то есть добавление «осложняющего действия»;
- оценка, то есть степень значимости происшедшего для рассказчика, причем акцент именно на «осложняющем действии», чтобы слушатель понимал его значимость и понимал, какой тип ответа предполагается [Ibid., p. 30];
- результат, то есть то, чем описываемый сюжет закончился [Ibid., p. 35];
- кода, то есть итог, которые формулируется из настоящего [Ibid., p. 35–36].

В своей работе авторы соединили понимание нарратива как аутентичное воспроизведение опыта прошлого (У. Томас, Ф. Знанецкий) и наличие постоянных переменных (В. Пропп), то есть структурных элементов нарратива. Модель, разработанная В. Лабовым и Дж. Валецким, приобрела популярность благодаря тому, что, во-первых, позволила однозначно определять, что является нарративом, а что нет, и, во-вторых, предоставила четкие критерии-путеводители для анализа нарратива.

Начиная с работ В. Проппа и продолжая исследованиями В. Лабова, Дж. Валецкого, нарратив сам по себе становится предметом исследования и «начинается институциональное изучение нарратива ради самого нарратива». До этого он был интересен исключительно как способ раскрытия прошлого опыта, причем способ, который достаточно активно критиковали не только позитивисты, но и представители французской школы Анналов.

Несмотря на широкое применение модели, разработанной Лабовым и Валецким, с 1970-х годов начинается ее критическое осмысление, которое, в конечном итоге, и приводит к новому пониманию нарратива. Наибольшие возражения

---

² Впервые работа W. Labov, J. Waletzky «Narrative analysis: oral versions of personal experience» (Helm, J., Ed., *Essays on the Verbal and the Visual Arts*, University of Washington Press, Seattle and London, P. 12–44) была опубликована в 1967 г. Она была переиздана через 30 лет в специальном выпуске журнала *Special issue of Journal of Narrative and Life History*, № 7. P. 1–4, 1997. Выпуск был посвящен осмыслению результатов данной публикации, в нем приняли участие такие авторы, как G. Prince, J. Bruner, E. Mishler, E. Schegloff, чьи взгляды рассматриваются в статье. Цитирование осуществляется по переизданию 1997 г.

были связаны с тем, что нарратив рассматривается как «уже и навсегда» готовый результат, который «только и ждет своей отправки» [Schegloff, 1997, p. 100], то есть вербализации. Соответственно не учитывается смысловой контекст формирования нарратива, процесс его непосредственного производства [Mishler, 1997, p. 72], реакция слушателя и его влияние на рассказчика [Schegloff, 1997, p. 100–101].

Критике подверглось требование «последовательного изложения событий». В устных нарративах изначально оно, как правило, отсутствует и появляется после уточняющих, наводящих вопросов. Если же согласиться с критерием последовательности, тогда многие виды нарратива, ставшие уже классическими, следует исключить из рассмотрения. К таковым относятся нарративы развода, нарративы пациентов, нарративы людей с ограниченными возможностями и многие другие.

Дискуссионным также был вопрос о приоритете того или иного компонента (последовательность, оценка) и о способах выражения этих компонентов. Вслед за Лабовым и Валецким наиболее значимым элементом многие авторы считали оценку, которая идет после усложняющего события, определяет весь смысл нарратива и информирует слушателя, как он должен понимать нарратив и реагировать на него. Аргументами против такой позиции были многочисленные примеры, когда оценка содержится имплицитно или формируется в процессе нарратива. Более того, она далеко не всегда находится между усложняющим действием и развязкой и создает тем самым смысловое напряжение, как считали Лабов и Валецкий.

Активная критика модели Лабова, Валецкого свидетельствует о трансформации понимания нарратива. Начинается переход от изучения нарратива как отдельного, самодостаточного феномена к исследованию нарратива в личностно-значимом и социальном контекстах, от нарратива как результата к нарративным практикам. И главным становится процесс осмысления, а не конечный продукт, в котором свободные концы связаны вместе в одну сюжетную линию (Ochs, Capps 2001, p. 15).

Как уже было отмечено в начале статьи, на первом этапе нарратив рассматривался как фактологический ресурс, как иллюстрация, переводная картинка прошлого опыта. На втором этапе интерес исследователей был сосредоточен преимущественно на определенных видах нарратива и их критериях. С 80-х годов прошлого века начинается содержательное, формальное расширение нарратива и усиливается его методологический статус. Это не исключает присутствие нарратива в тех вариантах, которые были заданы работами В. Проппа, В. Лабова, Дж. Валецкого.

Несмотря на разнообразие характеристик современного понимания нарратива, можно выделить те, которые являются принципиально важными и отличают его понимание от предыдущих вариантов. К ним относятся:

- укорененность нарратива в настоящем;
- принципиальная незавершенность нарратива;
- взаимосвязь с контекстами.

Эти отличия по-разному конкретизируются в зависимости от конструктивистских или герменевтико-феноменологических оснований. В первом случае контекстом выступает коллективное, социальное поле смыслов, в котором производятся нарративы по определенным сценариям. Они выполняют роль несущих

конструкций, а пространство между ними заполняется личными смыслами. Нарратив формируется как присоединение или опровержение по отношению к существующим сценариям. Во втором случае речь идет о конституировании личностно-значимых смыслов в ориентации на допредикативные структуры сознания.

Наличие контекстов частично ограничивает свободу рассказчика наиболее известными и близкими для него сценариями, «возрастом, полом, этнической принадлежностью и др. Это приводит к тому, что в отличие от предыдущих вариантов, нарратив демонстрирует креативность, сложность и изменчивость личностных (или групповых) конструкций себя и реальности, а также силу влияния исторического, социального, культурного, организационного, интерактивного контекстов» [Chase, 2005].

Вопрос о контекстах и их влиянии на нарратив связан с более общими вопросами социально-гуманитарных дисциплин: возможно ли и как пересекаются личные нарративы с учетом существующих социальных сценариев, каковы последствия популярности или популяризации того или иного нарратива, каковы механизмы контроля, поддержки либо отрицания. Например, в известной работе А. Франка «Раненый рассказчик» представлен основной нарратив болезни – «нарратив реституции» (нарратив выздоровления) – который активно поддерживается медицинскими сообществом, СМИ, рекламой медицинских товаров и т.д. [Frank, 1997, p. 78–79].

Следующее отличие современного понимания нарратива вытекает из предыдущих. Оно касается характера связи между нарративом и опытом прошлого. Изначально и достаточно долго нарратив рассматривался как способ «добиться», «проникнуть», «понять» уже существующий опыт прошлого. В отличие от этого новое понимание нарратива предполагает, что опыт прошлого формируется в процессе нарратива, то есть он не существует изначально, а создается во взаимодействии и формируется в процессе. В нарративе мы придаем смысл миру, себе, обществу. Посредством историй, которые являются общими для групп, к которым мы принадлежим, мы формируем семейную, этническую, религиозную, профессиональную идентичность. Такой подход существенно усложняет взаимосвязь между фактическими событиями, хроникой жизни отдельного человека, семьи, сообщества и нарративом, и, соответственно изучение данной взаимосвязи. Нарратив теперь проявляется не только как отношение между словами, текстами, опытом прошлого, но и как взаимосвязь между ним и социальной реальностью [Franzoi, 1998, p. 547].

Наряду с вышерассмотренными особенностями понимания нарратива еще одно изменение касается времени, его видов и роли. Безусловно, в любом нарративе время присутствует, так как предполагается отбор событий и выстраивание их в определенный порядок. В моделях, выстроенных по типу модели Лабова, Валецкого, время линейно, а сюжет нарратива имеет начало, середину и конец.

Современное понимание времени, опираясь на герменевтико-феноменологический фундамент, существенно усложнилось. Как минимум учитывается двойственность времени: время рассказанного прошлого и время рассказывания. Другими словами, различается время последовательности событий прошлого, представленных в нарративе, и время в рассказываемом, причем последнее

не всегда линейно. Один из ранних вариантов усложнения времени в нарративе разработан Ж. Женеттом, который определяет три основных варианта. Первый связан с порядком событий, второй касается длительности события, третий – повторяемости, то есть того, как часто воспроизводится событие. «Порядок», «длительность», «частота» проявляются по-разному. Например, порядок может быть нарушен воспоминаниями, а длительность усилена, чтобы показать значимость события [Женетт, 1998, с. 72].

Понимание нарратива в течение XX века прошло несколько этапов. На первом, преимущественно в социологических исследованиях, нарратив рассматривался как аутентичное отражение событий и применялся как способ «проникнуть», «понять» опыт прошлого. На следующем этапе понимание нарратива усложняется, разрабатываются критерии и алгоритмы анализа. Нарратив начинает активно применяться в антропологических, этнографических, исторических, психологических исследованиях как один из методов или как основной метод качественного анализа. В конце XX века начинает развиваться герменевтико-феноменологический подход к нарративу. В рамках данного подхода нарратив создает и формирует смыслы прошлого. Объективная реальность прошлого, представленная в структуралистских нарративах, заменяется на личностно-значимое происходящее в прошлом. Она формируется настоящим и одновременно формирует настоящее.

Список литературы

- Барбашина Э. В.** Проблемы медицинского нарратива // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 3 (1). С. 152–163.
- Женетт Ж.** Работы по поэтике. Фигуры / Пер. с фр. Е. Васильевой, Е. Гальцовой, Е. Гречаной, и др. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2.
- Лехциер В. Л.** Нарративная медицина: светлая утопия доктора Риты Шэрон? // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине / Под ред. В.Л. Лехциера. Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 2012. С. 110–123.
- Пропп В. Я.** Морфология сказки (1928). Л.: Academia, 1969.
- Chase S. E.** Narrative Inquiry: Multiple lenses, approaches, voices // Handbook of qualitative research / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. P. 651–679.
- Franzosi R.** Narrative analysis – Or why (and how) sociologists should be interested in narrative // Annual Review of Sociology. 1998. № 24. P. 517–554.
- Labov W., Waletzky J.** Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Journal of Narrative and Life History. 1997. № 7. P. 3–38.
- Mishler E. G.** A matter of time: when, since, after Labov and Waletzky // Journal of Narrative and Life History. 1997. № 7. P. 61–68.
- Ochs E., Capps L.** Living Narrative. Creating Lives in Everyday Storytelling. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
- Rayn M-L.** Toward a Definition of Narrative // The Cambridge Companion to Narrative / Ed. by D. Herman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 22–36.

- Schegloff E. A.** “Narrative Analysis” thirty years later // *Journal of Narrative and Life History*. 1997. № 7. P. 97–106.
- Stanley L.** To the letter: Thomas and Znaniecki’s The Polish Peasant and writing a life, sociologically // *Life Writing*. 2010. №7 (2). P. 139–151.

References

- Barbashina E. V.** Problemy medicinskogo narrativa // *Idei i Idealy*. 2020. Vol. 12. № 3 (1). P. 152–163. (in Russian)
- Chase S. E.** Narrative Inquiry: Multiple lenses, approaches, voices // *Handbook of qualitative research* / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage. 2005. P. 651–679.
- Franzosi R.** Narrative analysis – Or why (and how) sociologists should be interested in narrative // *Annual Review of Sociology*. 1998. № 24. P. 517–554.
- Labov W. , Waletzky J.** Narrative analysis: Oral versions of personal experience // *Journal of Narrative and Life History*. 1997. № 7. P. 3–38.
- Lekhcier V. L.** Narrativnaya medicina: svetlaya utopiya doktora Rity SHeron? // *Obshchestvo remissii: na puti k narrativnoj medicine* / Pod red. V.L. Lekhciera. Samara: Izd-vo Samar. gos. un-ta. 2012. P. 110–123. (in Russian)
- Mishler E. G.** A matter of time: when, since, after Labov and Waletzky // *Journal of Narrative and Life History*. 1997. № 7. P. 61–68.
- Ochs E., Capps L.** *Living Narrative. Creating Lives in Everyday Storytelling*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
- Propp V. Ya.** *Morfologiya skazki* (1928). L.: Academia, 1969. (in Russian)
- Rayn M.-L.** Toward a Definition of Narrative // *The Cambridge Companion to Narrative* / Ed. by D. Herman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 22–36.
- Schegloff E. A.** “Narrative Analysis” thirty years later // *Journal of Narrative and Life History*. 1997. № 7. P. 97–106.
- Stanley L.** To the letter: Thomas and Znaniecki’s The Polish Peasant and writing a life, sociologically // *Life Writing*. 2010. №7 (2). P. 139–151. DOI: 10.1080/14484520903445271
- Zhenett Z. H.** Raboty po poetike. Figury / Per. s fr. E. Vasil’evoj, E. Gal’covoi, E. Grechanoj, I. Itkina, S. Zenkina, N. Percova, I. Staf, G. SHumilovoj. Vol. 2. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1998. (in Russian)

Сведение об авторе

Эвелина Владимировна Барбашина, доктор философских наук
заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный медицинский университет;
профессор кафедры философии, Новосибирский государственный университет

Information about the Author**Evelina V. Barbashina**, Doctor of Sciences (Philosophy)

Head of the Department of Philosophy, Novosibirsk State Medical University

Professor, Department of Philosophy, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 19.06.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 29.06.2023*

*The article was submitted 19.06.2023;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 29.06.2023*